

населению медицинскую и иную помощь, что способствовало выживанию жителей в условиях карательных операций;

3) личные послевоенные контакты В.П. Комлева с семьей Дружина подтверждают высокую значимость вклада простых граждан в деятельность партизанских соединений, что дополняет официальную биографию комбрига ценными биографическими деталями.

1. Беларусь партизанская. Иллюстрированная энциклопедия партизанского движения в Беларуси в годы Великой Отечественной войны. – Минск : Беларуская Энцыклапедыя імя Петруся Броўкі, 2019. – 352 с.

2. Белорусские деревни, сожженные в годы Великой Отечественной войны [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://db.narb.by/search/?title=%D1%E5%F0%EA%F3%F2%E8&titles=old&region=&district=&year=>. – Дата доступа: 11.12.2025.

3. Во имя Великой Победы : [комбриг В.П. Комлев] / А. Петрова // Эканаміст : орган УА «Беларускі дзяржаўны эканамічны ўніверсітэт». – 2022. – 18 лютага (№ 3). – С. 3.

4. Памяць: Гіст.-дакум. Хроніка Сенненскага раена. – Мн. : ПК “Паліграффармленне”, 2003. – 616 с.

Успей сказать СПАСИБО: фотодокумент. сб. материалов о ветеранах ВОВ Сенненского района / сост. О.Д. Прокопович; комп. верстка Л.С. Кулик; отв. за выпуск Е.И. Метелица. – Сенненская ЦРБ, 2015.

НАСЛЕДОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ АКТИВОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРАВОВЫЕ КОЛЛИЗИИ НА СТЫКЕ ТРАДИЦИОННЫХ ИНСТИТУТОВ И ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Духанин В.В.,

*студент 5 курса СГПИ, г. Ставрополь, Российская Федерация
Научный руководитель – Володькова Е.Н., канд. ист. наук, доцент*

Ключевые слова: цифровые активы, наследование, наследственное право, блокчейн, криптовалюта, цифровая валюта, цифровые финансовые активы, Гражданский кодекс РФ, правовая неопределенность.

Современный этап общественного развития характеризуется массовой миграцией значительной части человеческой деятельности, коммуникаций и ценностей в цифровую среду. На смену традиционным активам, таким как недвижимость, автомобили или банковские вклады, все чаще приходят их цифровые аналоги и принципиально новые формы благ: криптовалюты, токены, аккаунты в социальных сетях и онлайн-играх, доменные имена, цифровые коллекции (NFT) [2, с. 313]. Эти объекты, часто обладающие существенной экономической стоимостью, формируют «цифровое наследство» гражданина.

Однако, как справедливо отмечают исследователи, российское законодательство, регулирующее наследственные отношения, оказалось не готово к адекватному восприятию этой новой реальности [2, с. 314; 5, с. 35]. Коллизия возникает на фундаментальном уровне: классические нормы

Гражданского кодекса РФ о наследовании, основанные на концепции универсального правопреемства в отношении материальных и формализованных прав, сталкиваются с нематериальной, децентрализованной и зачастую анонимной природой цифровых активов.

Целью данной статьи является комплексный анализ указанных правовых коллизий, оценка применимости общих положений наследственного права к цифровым активам и выявление путей преодоления возникающих пробелов.

Материал и методы. Исследование проведено на материале нормативно-правовых актов, регулирующих цифровые активы и технологии в РФ.

Результаты и их обсуждение. Наследственное право РФ, основополагающие принципы которого закреплены в части третьей Гражданского кодекса, основывается на идее универсального правопреемства. Согласно ст. 1110 ГК РФ, при наследовании имущество умершего (наследство, наследственное имущество) переходит к другим лицам в порядке универсального правопреемства, то есть в неизменном виде как единое целое и в один и тот же момент. Это ключевое начало, обеспечивающее стабильность наследственного оборота [6].

Состав наследства определен в ст. 1112 ГК РФ. В него входят принадлежавшие наследодателю на день открытия наследства вещи, иное имущество, в том числе имущественные права и обязанности. Данная формулировка, как подчеркивается в доктрине, имеет открытый характер, что теоретически позволяет включать в наследственную массу новые, не известные ранее законодателю виды имущества [6]. Верховный Суд РФ в своем Постановлении № 9 также указывает, что в состав наследства входит «иное имущество» [3, п. 14]. Следовательно, с догматической точки зрения, цифровые активы, безусловно являющиеся экономическим благом (имуществом в широком смысле), могут быть отнесены к «иному имуществу» по смыслу ст. 1112 ГК РФ [2, с. 315].

Принятие наследства осуществляется способами, предусмотренными ст. 1153 ГК РФ: подачей заявления нотариусу или совершением действий, свидетельствующих о фактическом принятии наследства. С момента принятия наследник считается собственником наследственного имущества со дня открытия наследства, независимо от момента государственной регистрации прав на него [3, п. 34].

Таким образом, общие положения ГК РФ создают теоретический каркас для наследования любых имущественных благ, включая цифровые. Проблема, однако, заключается не в принципиальной невозможности, а в практической неработоспособности этих общих норм применительно к специфике ЦА. Традиционные процедуры, такие как обращение к нотариусу с заявлением, опись наследственного имущества, выдача свидетельства о праве на наследство, оказываются нефункциональными в условиях отсутствия легальных механизмов идентификации, оценки и передачи цифровых активов.

Фундаментальной проблемой, парализующей механизм наследования цифровых активов, является отсутствие в российском законодательстве единого и четкого определения их правовой природы. Федеральный закон от

31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (Закон о ЦФА) стал знаковым, но недостаточным шагом [10].

Закон вводит два ключевых понятия:

1. Цифровая валюта – совокупность электронных данных, содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа и (или) в целях инвестирования, не являющиеся денежной единицей РФ или иностранного государства [10, ст. 1]. При этом она не признается законным средством платежа на территории РФ.

2. Цифровой финансовый актив (далее – ЦФА) – цифровые права, включающие денежные требования, права участия в капитале непубличного АО, права требования передачи ценных бумаг или иного имущества, которые выпускаются и учитываются в распределенном реестре цифровых транзакций (блокчейне) на основании правил, обеспечиваемых оператором обмена ЦФА [10, ст. 1].

Как отмечают исследователи, Закон о ЦФА не разрешает ключевые вопросы: правовая сущность цифровой валюты остается размытой (средство платежа, не являющееся деньгами), отсутствуют эффективные механизмы судебной защиты, не регламентирован порядок поиска и обращения взыскания на такие активы [5, с. 35-36]. Более того, закон вообще не регулирует целый пласт «неманетарных» цифровых активов: аккаунты в соцсетях, игровые предметы, домены и т.д., что оставляет их в правовом вакууме [2, с. 314].

Эта нормативная неопределенность порождает на практике ряд неразрешимых для нотариуса и наследников вопросов:

Проблема идентификации и доказательства принадлежности. Как нотариус может включить в наследственную массу биткойны, если их принадлежность конкретному лицу подтверждается лишь знанием приватного ключа, а не выпиской из государственного реестра? Установить связь между наследодателем и анонимным криптокошельком зачастую невозможно [1].

Проблема доступа и управления. Даже если факт владения доказан, наследование предполагает передачу правомочий. Однако правомочие пользования и распоряжения цифровой валютой реализуется исключительно через обладание приватным ключом – информацией, доступ к которой после смерти владельца может быть навсегда утрачен [2, с. 316]. Правила интернет-сервисов часто запрещают передачу аккаунтов.

Проблема охраны и оценки. Нотариус обязан принять меры к охране наследственного имущества (ст. 1171 ГК РФ). Как охранить то, что нельзя физически описать, изъять или передать на хранение. Оценка ЦА для исчисления госпошлины также крайне затруднена из-за высокой волатильности их стоимости.

Таким образом, общие нормы ГК РФ о наследовании не наполнены специальными процедурными механизмами применительно к ЦА, что делает их декларативными.

Отдельный пласт проблем связан с технологической основой многих цифровых активов – блокчейном. Блокчейн представляет собой децентрализованный, прозрачный и необратимый распределенный реестр данных, в котором каждая последующая транзакция криптографически связана с предыдущей [1, с. 48]. Эта технология, создававшаяся как альтернатива

традиционным финансовым и учетным системам, изначально не содержала в своей архитектуре юридических конструкций, таких как «правопреемство» или «доверительное управление».

Ключевые особенности блокчейна, конфликтующие с наследственным правом:

1. Децентрализация и отсутствие контролирующего органа. Нет центрального администратора (как, например, банк или регистрирующий орган), к которому наследник мог бы предъявить свидетельство о праве на наследство для переоформления актива. Право управлять активами в сети принадлежит исключительно держателю приватного ключа.

2. Псевдоанонимность. Данные о сторонах транзакций (публичных ключах) открыты, но установить связь между публичным ключом и конкретным физическим лицом (наследодателем) без дополнительной информации крайне сложно [1, с. 49]. Это делает невозможным для нотариуса установление состава наследства.

3. Необратимость и невозможность «заморозки». После добавления транзакции в блокчейн ее нельзя отменить. В случае смерти владельца активы в его кошельке остаются в «подвешенном» состоянии, но никто не может их заблокировать или временно ограничить доступ, как это можно сделать с банковским счетом по запросу нотариуса.

Эти технологические принципы делают бессмысленной стандартную процедуру нотариального оформления. Смарт-контракты (самоисполняющиеся алгоритмы на блокчейне) потенциально могли бы стать инструментом автоматического перехода прав при наступлении определенного условия (смерти), однако их легальный статус и механизм интеграции с нотариатом в РФ не разработаны.

Проблема наследования цифровых активов носит глобальный характер. В международном частном праве возникает дополнительный комплекс коллизий: цифровой актив, существующий в трансграничном блокчейне, наследодатель-резидент одной страны, наследники-резиденты другой, а сервера оператора обмена могут находиться в третьей [5]. Вопросы о применимом праве и юрисдикции в таких ситуациях остаются открытыми, а унифицированных международных норм пока не создано.

В этих условиях основными путями решения видится развитие национального законодательства. Необходимо:

1. Закрепить легальное, широкое определение цифрового актива как объекта гражданских прав, охватывающее как цифровые валюты и ЦФА, так и иные цифровые объекты, имеющие экономическую ценность.

2. Разработать специальный процедурный регламент для нотариата, включающий механизмы:

Легализации цифрового завещания. Порядок удостоверения и хранения волеизъявления, содержащего инструкции по доступу к ЦА (например, через использование сейфов для хранения ключей или инструкций наследникам).

Фиксации состава цифрового наследства. Создание реестра или протокола, куда при жизни гражданин мог бы добровольно вносить информацию о принадлежащих ему ЦА без разглашения приватных ключей.

Взаимодействия с операторами. Установление законом обязанности российских операторов обмена ЦФА и иных провайдеров цифровых услуг (при наличии технической возможности) рассматривать запросы нотариуса и наследников, предоставлять информацию и исполнять решения суда о переходе прав.

Стимулировать использование наследственных смарт-контрактов и услуг «цифрового наследства», предоставляемых технологическими компаниями, обеспечив их правовое признание.

Заключение. Наследование цифровых активов в России находится в правовом тупике, образованном на стыке трех факторов: универсальных, но слишком абстрактных норм Гражданского кодекса о наследовании; фрагментарного и неполного специального регулирования в Законе № 259-ФЗ; и фундаментального противоречия между централизованной, формализованной логикой наследственного права и децентрализованной, анонимной архитектурой блокчейн-технологий.

Теоретическая возможность наследования ЦА как «иного имущества» по ст. 1112 ГК РФ разбивается о практическую невозможность реализации этой возможности в рамках действующих процедур. Для преодоления этого кризиса требуется не изолированное дополнение закона, а системная адаптация наследственно-правового механизма к реалиям цифровой эпохи. Это предполагает создание нового, гибкого правового режима, который, сохраняя основные начала наследственного права, будет содержать специальные правила для идентификации, охраны и перехода прав на цифровые активы, учитывая их технологическую специфику. Только такой подход позволит защитить имущественные интересы граждан и обеспечить правопреемство в условиях формирующейся цифровой экономики.

1. Рощупкина, А. В. Особенности цифровых активов, технологии блокчейн и сервисов для управления цифровыми активами в правовом поле // Вестник Академии права и управления. – 2024. – №6 (81).

2. Стародубова, Л. В. Наследование цифровых активов в РФ / Л. В. Стародубова, А. А. Соколова, П. В. Линченко // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 4.

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 №9 «О судебной практике по делам о наследовании».

4. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ №2 (2025).

5. Михайленко, Н. М. Правовая сущность цифровых активов / Н. М. Михайленко, А. А. Косарева // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2024. №3. – С. 34–42.

6. Гражданское право. Особенная часть (части III—IV ГК РФ) : учебник для вузов / А. П. Анисимов, М. Ю. Козлова, А. Я. Рыженков, С. А. Чаркин; под общ. ред. А. Я. Рыженкова. – 8-е изд. – М. : Юрайт, 2025. – 242 с.

7. Корнеева, И.Л. Наследственное право: учебник и практикум для вузов. – 6-е изд. – М. : Юрайт, 2025.

8. Гетьман-Павлова, И.В. Международное частное право в 3 т. Том 2. Особенная часть: учебник для вузов. — 6-е изд. — М.: Юрайт, 2025.

9. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001. – №146–ФЗ.

10. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».